

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №18 (216)

Научно - практический семинар
«Экономическая безопасность АТР и будущее
Тихоокеанской России»

Круглый стол № 1:
«Определение понятий и идентификация угроз»

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР и подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaefe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Содержание:

Открытие семинара.....	4
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, Фокин Н.И.....	10
ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЮЖНАЯ КОРЕЯ, Толстокулаков И.А.....	20
ЯПОНСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ». ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ, Мозговой И.В.....	30
ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЕ, Лабюк А.И.....	37
Дискуссия	45

Ларин В.Л., директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, д.и.н., проф.: Уважаемые коллеги! Сегодня мы даем старт работе серии круглых столов, объединенных в формат семинара под названием *«Экономическая безопасность АТР и будущее Тихоокеанской России»*. Инициатором этого мероприятия выступает Отдел международных отношений и проблем безопасности Института истории ДВО РАН, его поддержали Президиум Дальневосточного отделения РАН, руководство Законодательного собрания Приморского края и Дальневосточного федерального университета.

Изначально, обратившись к проблемам экономической безопасности, мы вообще-то планировали ограничиться одним заседанием круглого стола. Заведующий кафедрой мировой экономики ДВФУ Николай Иванович Фокин взялся за организацию этого мероприятия. Но когда мы с ним стали обсуждать структуру и тематику круглого стола, возник вопрос: на чем сделать акцент. Проблем – множество, их не поднять и не решить в рамках одного заседания. Мы беседовали с разными людьми – и с учеными, и с практиками – после чего родилась идея организации большого научно-практического семинара по проблемам экономической безопасности.

Принципиальный подход заключается в том, что в ходе этого семинара мы будем рассматривать вопросы экономической безопасности под определенным углом – с позиции интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, которая имеет, прежде всего, экономической характер, хотя, безусловно, регион не избавлен от многочисленных политических и социально-культурных проблем. Россия идет в тот регион, где есть свои правила игры, поэтому она вынуждена будет подстраиваться под этот регион и отвечать на вызовы, которые уже здесь существуют. По этим причинам мы должны точно знать, что делать и в каком направлении двигаться. В результате мы пришли к мысли о необходимости проведения семинара по экономической безопасности в АТР через призму интересов, настоящего и будущего Тихоокеанской России. На предварительном этапе

подготовки семинара много проблем возникло с определением самого понятия «экономическая безопасность», поэтому и было решено начать с анализа того, что такое экономическая безопасность.

Горчаков В.В., председатель Законодательного собрания Приморского края, д.т.н., проф.: Уважаемые коллеги, мы с Виктором Лаврентьевичем с осени начали обсуждать эту тему. Прошла зима, и с наступлением весны мы пришли к настоящему формату оценки ситуации на Дальнем Востоке, создания подготовительного материала для формирования повестки форума АТЭС-2012, хотя, как мы понимаем, Москва обходится в этом успешно и без нас, но мы должны испытывать определенное чувство сопричастности, хотя бы виртуальное. Поскольку Законодательное собрание выступает одним из организаторов этого семинара, я предлагаю для будущих семинаров площадку Законодательного собрания для проведения заседаний.

С учетом опыта присутствия на «круглых столах» института могу сказать, что он у вас очень академический, а мы заинтересованы, чтобы то, что здесь обсуждается, распространялось на более широкую аудиторию, поэтому нам необходимо расширить круг участников самого семинара за счет людей практического рода деятельности, которые, возможно, не совсем знакомы с тонкостями академической науки, но каждый день занимаются конкретными делами при реализации тех или иных концепций. Также необходимо активно привлекать средства массовой информации для того, чтобы они могли достаточно адекватно отражать содержательную часть обсуждения профессионалов высокого уровня для формирования адекватного общественного мнения.

Сергиенко В.И., председатель Президиума ДВО РАН, академик РАН: Мне кажется, это стало хорошим знаком, что в нашем Институте истории периодически проводятся мероприятия, интересные не только для узкого круга специалистов. Мы помним «круглые столы», посвященные самым разным темам, например, проблеме Корейского полуострова. Настоящий семинар представляет собой не только сугубо «институтское»

мероприятия, а является составной частью большого цикла мероприятий, которые задуманы в Академии наук в преддверии саммита АТЭС, в том числе по вопросам биологической безопасности, вопросам состояния окружающей среды и т.д. Этот семинар занимает свое особое место, т.к. интересен не только для российских специалистов, но и для зарубежных партнеров и коллег. Приятно всегда видеть в этом зале представителей Генеральных консульств Японии, Кореи, Китая и других стран. Я хотел бы пожелать в работе семинара хороших выступлений и плодотворных дискуссий, которые стали бы отправными точками для выработки долгосрочных прогнозов наших дальнейших действий в регионе.

Белкин В.Г., директор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, д.э.н., проф.: История во многом ходит по спирали. Когда-то здесь было отделение института экономики, и под одной крышей продуктивно работали экономисты и историки. В российской экономической науке, как и в советской, всегда не хватало широты взглядов, в то время как в мире экономические процессы рассматриваются в совокупности с социальными, историческими, психологическими и другими явлениями. Недавно в Москве прошел семинар, где наша академическая наука поставила вопрос о мейнстриме экономической науки. На нем было определено, что одной из важнейших задач является взаимодействие с другими науками, т.к. все новое рождается на стыке. Доказательством этому служат Нобелевские лауреаты по экономике, большинство из которых занимались междисциплинарными исследованиями. Будем надеяться, что и наш семинар будет иметь как фундаментальное, так и практическое значение.

Если говорить об экономической безопасности, то в России одним из инициаторов исследования этой проблемы был доктор экономических наук В.К.Сенчагов. Стоит отметить, что губернатор Приморья С.М. Дарькин, в частности, выполнял работу по обеспечению экономической безопасности трансграничных регионов России и защитился в Институте экономики РАН. Эта проблема имеет универсальный характер, т.к. вопросы безопасности

имеют очень важное значение, вплоть до выживаемости человечества. Для России это вдвойне или втройне актуально, т.к. мы наносим своей экономике больше вреда, наверное, чем внешняя среда. То, о чем говорил Виктор Васильевич, проблемы экономической безопасности – с точки зрения принятия решений – базируются в несовершенстве структуры управления, клановости, в проблеме социальных полей, где переплетены деньги, собственность, власть.

Дело не в том, что власти не видят и не понимают проблем, а в том, что пока нет механизмов, которые позволяли бы принимать более разумные решения. Наша публичная работа будет способствовать формированию в обществе здравого смысла и помогать населению отходить от того экономического типа мышления, которое сложилось у нас исторически при Советском Союзе и сохраняется до наших дней, и перейти к более сложному типу мышления, когда уже просчитываются не один шаг, а, может быть, два и три.

Нечипорюк В.П., главный федеральный инспектор по Приморскому краю: Уважаемые Виктор Лаврентьевич, Валентин Иванович, Виктор Васильевич, разрешите от имени Полномочного представителя Президента Виктора Ивановича Ишаева поздравить вас с началом работы семинара, пожелать плодотворной деятельности, выработки предложений для принятия государственных решений. Хотел бы вас заверить, что интеллектуальный потенциал всех участников семинара, ваше мнение и ваши оценки востребованы органами власти и учитываются при принятии тех или иных решений. Каналы доведения информации существуют самые разные, начиная от направления официальных документов, рекомендаций и комментариев ученых, и заканчивая более сложными формами взаимодействий. Существует канал доведения мнения научной общественности и через мой аппарат.

Я хотел бы познакомить вас с Распоряжением руководителя Администрации Президента России Сергея Нарышкина от 21 апреля 2011 г. о

создании рабочей группы по разработке стратегии развития сотрудничества РФ со странами АТР и прогноза социально-экономического развития Дальнего Востока до 2050 г., другое название которой – «Стратегия-2050». На этом этапе в состав группы включены ученые ДВО РАН: Петр Яковлевич Бакланов, директор Тихоокеанского института географии, и Александр Иванович Ханчук, директор Дальневосточного геологического института. Я говорю именно про текущий этап, т.к. рабочая группа только начинает формироваться и, наверняка, в ее состав будут включены и другие наши авторитеты науки, прежде всего, Дальневосточного отделения РАН, поэтому, заканчивая свое выступление, хотел бы пожелать вам дальнейших успехов в работе.

Ли Ян Гу, Генеральный консул Республики Корея в г. Владивостоке: Мне очень приятно принимать участие в вашем семинаре, на котором мне представилась возможность познакомиться со многими знаменитыми людьми города. Я, выступая от имени дипкорпуса г. Владивостока, могу сказать, что данный семинар проводится очень своевременно и затрагивает актуальные темы, что особенно важно в преддверии саммита АТЭС. Работа дипломата заключается в наблюдении за тенденциями и перспективами для того, чтобы принимать адекватные меры. Недавно в Японии произошло землетрясение, которое вызвало беспокойство всего мира. Эта трагедия показывает важность правильной и своевременной реакции на возникающие угрозы. В Корее уже давно ведутся дискуссии о том, как обеспечить развитие и процветание в Восточной Азии. Ее начал известный корейский патриот Ан Джун Гын, который жил в этом регионе 100 лет назад. В Корее сейчас поставлен серьезный приоритет в области «зеленого» развития, учитывающий проблемы климата, экологии и т.д. Тема этого семинара соответствует видению, доминирующему в Корее и, видимо, во всем мире.

Агафонов И.В., советник Представительства МИД России в г. Владивостоке: Мы регулярно участвуем в мероприятиях Института

истории, археологии и этнографии ДВО РАН и, естественно, мы не могли не поддержать предложенного формата общения по отработке предложений, в том числе и для Москвы. Сегодня уже прозвучало, что федеральный центр принимает решения и без нас, но я уверен, что мы, как передаточное звено, доводим информацию и она влияет на принятие решений высшими органами власти.

Ларин В.Л.: Подводя итоги первой части нашего заседания, хочу прежде всего поблагодарить Виктора Васильевича за предложение перенести обсуждения на «платформу» Законодательного собрания Приморья. В этом случае нам действительно будет проще вовлечь в наши дискуссии практиков. Семинар нацелен не столько на научное обсуждение существующих проблем, сколько на внедрение в практическую деятельность того, что мы будем вырабатывать. Я вижу главной задачей выход на практический результат: чтобы получаемые нами результаты нашли применение при решении конкретных проблем в сфере обеспечения безопасности территории, населения, экономики региона.

С первого момента, когда мы только подступили к обсуждению этой темы, встал вопрос о ее главном содержании: что мы будем обсуждать – экономическую безопасность или безопасность экономики? И мы сразу решили, что наша тема – это никак не безопасность экономики. Предметом нашего внимания должна быть безопасность людей, общества, социума. Но только в экономическом ракурсе. Это наша генеральная задача. Я надеюсь, что тот большой интерес, который был проявлен участниками этого мероприятия, и особенно интерес к проблеме органов власти, поможет сделать эту работу плодотворной.

Фокин Н.И., заведующий кафедрой мировой экономики ДВФУ, к.э.н., проф.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

1. Подходы к определению

Можно выделить три подхода к определению внешнеэкономической безопасности (ВЭБ): сателлитный, автономный и ситуационный.

Сателлитный подход, как следует из обращения к первичному значению слова *satellite*, определяет ВЭБ как формально независимое, но фактически подчиненное понятие. В этом контексте безопасность подчинена двум понятиям – конкурентоспособности и устойчивости. Отсюда ВЭБ можно определить как способность национальной экономики конкурировать на внешних рынках и быть устойчивой по отношению к внешним шокам. Следствие из такого определения: проблем ВЭБ не существует, существуют проблемы конкурентоспособности и устойчивости экономики.

Сателлитный подход выступает как рыночный подход. Он адресует ВЭБ рынку и исходит из того, что государство не способно повысить безопасность. Это невозможно по определению - внешние факторы экзогенны, то есть находятся за пределами сферы влияния государства. Следствие - добавление ВЭБ к стратегии национальной безопасности ущербно. ВЭБ - неудачная выдумка (*folly*) для национальной безопасности.

Одна из модификаций сателлитного подхода - составной подход. В его рамках ВЭБ не существуя, как цельная проблема, существует как составная. Что входит в состав? Энергетическая, продовольственная, сырьевая, миграционная, валютно-финансовая, продовольственная, экологическая проблемы.

Где исповедуют «сателлитную» методологию? В трансатлантической экономике. Это - англо-американская традиция. Поэтому и подход можно условно назвать западным.

Подходит ли такая методология для анализа российских проблем внешнеэкономической безопасности? По-видимому – нет. Она отторгается. Причины отторжения три.

Первая – всплохи исторической памяти. Развал СССР, проблемы национального выживания в 90-х годах генерируют такие понятия как "экономическая безопасность".

Вторая - электоральный потенциал. Политическая лексика, связанная с укреплением безопасности вызывает благодарный отклик избирателей. В России сложился своего рода политический рынок ВЭБ.

Коммерциализация проблемы: борьба за укрепление безопасности породила бренд под названием «безопасность»: гранты, проекты, фонды, центры. В России сложился и экономический рынок ВЭБ.

Автономный подход, как следует из обращения к истокам слова *autonomous*, определяет ВЭБ как самостоятельное, независимое понятие с собственным содержанием. Его конституирующие элементы - угрозы и вызовы. ВЭБ – способность национальной экономики противодействовать угрозам и отвечать на вызовы.

Автономный подход выступает как государственный поход. Он исходит из того, что ВЭБ нельзя адресовать рынку, ей может заниматься только государство. В этом смысле автономный – это управляемый подход, что означает - ВЭБ через государство можно обеспечить и даже повысить.

Где используют такой подход? В первую очередь в России. Одно из доказательств - паспорт специальностей высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней - код 08.00.14 тема №22. Используют этот подход в Белоруссии, Китае. Подход можно условно назвать восточным.

Что даёт автономный подход к определению ВЭБ? Понимание того, того, что ВЭБ не имеет предмета (как и экономика), что ВЭБ – за пределами

собственно экономики, что это и политические процессы, и социальная сфера - образование, здравоохранение, пенсионная система. В рамках этого подхода ВЭБ выступает как вопрос и знаний, и веры, и общественной атмосферы.

Какой подход эффективнее – сателлитный или автономный? Можно предложить следующие контуры ответа на этот вопрос. На внешние факторы действительно не повлиять (сателлитный подход), но можно изменить их соотношение с внутренними факторами (автономный). Каким образом? Через точечное влияние на внутренние факторы. Точечное - учитывающее конкретные условия конкретного места в конкретное время.

Для обозначения такого процесса есть удачный английский термин - contingency, что означает - вероятностный, собирательный, зависящий от обстоятельств. В таком случае перед нами третий подход – контингентный, комбинирующий по ситуации оба предыдущих подхода. Поскольку слово contingency в русскоязычной управленческой литературе принято переводить как «ситуационный», то, не нарушая традиций данный подход можно обозначить как «ситуационный».

Ситуационный подход позволяет определить внешнеэкономическую безопасность как **конкурентоспособность национальной экономики, позволяющую защищаться от возникающих угроз, отвечать на новые вызовы и на этой основе – устойчиво развиваться.** В таком определении четыре конституирующих понятия: конкурентоспособность, устойчивость, угрозы, вызовы. Поскольку два первых понятия очерчивают уже исследованный и сложившийся круг проблем, содержательное наполнение вышеприведенного определения фокусируется на понятиях угрозы и вызовы.

2. Угрозы и вызовы

Древнерусские истоки слова угроза (у грозы, перед грозой, ужас, ад) очень точно передают значение понятия угроза. Со стороны тех, кому грозят,

– это ожидание ущемления интересов. С другой стороны – это намерение нанести вред чужим интересам. Ожидание может быть обоснованным или нет. Намерение может быть скрытым или заявленным. Вред – физическим, материальным, финансовым. Интересы – общественными или личными. Угроза – это когда давят, если обратиться к английскому *threat* – давление.

Что и давит на российскую экономику? Источники угроз и главные стратегические угрозы для России в экономической сфере обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента от 12 мая 2009 года.

Угрозы генерируют три источника: мировые и региональные финансовые кризисы, борьба за дефицитные природные ресурсы, отставание в технологическом развитии. Результат этой генерации – 10 стратегических угроз.

По степени опасности первые места занимают ресурсные угрозы. Это – экспортно-сырьевая модель развития, снижение конкурентоспособности, зависимость от внешней конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами. Среди других угроз: ухудшение сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов, прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, коррупция и криминализация хозяйственно-финансовых связей, незаконная миграция.

Древнерусские истоки слова «вызов» выделяют такое значение слова как приглашение. Но на приглашение можно и не отвечать, от него можно и отказаться. Другое дело английское *challenge* – это больше требование, чем приглашение померяться силами.

В чем предстоит померяться силами России? Этот вопрос не получил обстоятельного рассмотрения ни в Стратегии национальной безопасности, ни в научной литературе. На наш взгляд, по степени новизны и актуальности можно выделить четыре вызова: инновационный, выборный, демонстрационный, миграционный.

Инновационный вызов. Его корень – в эндогенной природе инноваций. Их не навязать извне. Они - часть внутренней культуры граждан, результат "смягчения" системы, продукт творчества свободных людей и в этом аспекте - составляющая либеральных ценностей.

Переход России на инновационный путь развития - вовсе не экономическая проблема, а проблема формирования этих ценностей, проблема изменения образа жизни.

Выборный вызов. Суть вызова – в необходимости выбора между ресурсным и инновационным векторами развития. Возможный контур ответа – не противопоставлять ресурсную и инновационную экономику. Ресурсную экономику можно превратить в инновационную. Ресурсы – конкурентное преимущество России, а не её проклятие. В этом смысле – выбор есть, а проблемы выбора - нет.

Демонстрационный вызов. Основа – открытость границ, доступность информации, дающие возможность сравнивать жизнь в России и в других странах. Выводы из такого сравнения: не в пользу России: её готовы покинуть до 45% - выпускников ВУЗов, до 30% - предпринимателей. При этом только до 1% - правоохранителей.

Миграционный вызов. Его суть – чем станет миграция для России - давлением (угроза) или спасением (новые возможности)? Возможную основу для поиска ответа даёт следующая статистика. В России доля мигрантов – 5,7% (12 млн.), в США – 20% (43 млн.). В Россию въехало в 2000 – 2005 гг. 950 тыс. человек, в 2006 – 2010 гг. 250 тыс. человек. Вызов обостряется новыми - кластерными и сетевыми эффектами миграционной цепи.

Новые вызовы выдвигают на первый план вопрос об управлении безопасностью. Но можно ли управлять внешнеэкономической безопасностью?

3. Можно ли управлять ВЭБ

Вопрос об управлении ВЭБ следует перевести в более конкретную – можно ли прогнозировать и планировать уровни безопасности, организовывать её систему, мотивировать и контролировать деятельность участников этих процессов?

Если исходить из того, что внешние факторы экзогенны, то есть не подлежат воздействию и контролю, то – нет. Но если исходить из известной формулы основоположников научного менеджмента супругов Гилбрет, что управление – это измерение (Management is Measurement), то можно. Измерение и оценка безопасности и будет управлением безопасностью.

В качестве инструмента измерения безопасности может быть использован коэффициент бета. Им принято обозначать вклад внешней среды в достижение инвестиционного результата. Решающее значение имеет именно тот факт, что бета - на втором месте греческого алфавита. На первом должен быть собственный вклад в полученном результате. Он и обозначается буквой альфа.

В этом ключе бета может рассматриваться показатель внешней уязвимости национальной экономики. Другими словами - её зависимости от происходящих в мировом хозяйстве событий. Он выступает как коэффициент реакции нашего состояния на изменение состояния мировой экономики. Если бета меньше 1, то реакция слабая, зависимость от внешней среды низкая, безопасность высокая. Если больше 1 – реакция сильная, зависимость высокая, безопасность низкая.

Можно предложить разные модификации коэффициента. Например, приростной, отражающий реакцию национального производства на падение мировой экономики в кризисный период. Трудовая модификация – та же методика расчета, но по отношению к безработице. Разумеется, должны быть рассчитаны и учтены валютные, фондовые, демографические, потребительские, инвестиционные и другие модификации коэффициента.

Так, оценка внешнеэкономической безопасности по приростному коэффициенту бета по данным за кризисные 2008-9 годы для России равна 1,8, что свидетельствует о высокой чувствительности её по отношению к внешним шокам. Примечательно, что по отдельным месяцам последнего кризисного периода бета для экономики Китая имел отрицательное значение: мир падал – Китай рос.

Возможно и региональное прочтение бета коэффициента. Например, если сравнить изменение численности населения России и российского Дальнего Востока в постсоветский период, можно заключить, что оценка безопасности этого региона России по трудовому коэффициенту бета приближается к 4, то есть к опасной черте.

Но практические расчеты недостаточны для эффективной стратегия экономической безопасности. Не обойтись без концептуального осмысления дискуссионных проблем.

4. Дискуссионные проблемы

Среди наиболее острых дискуссионных проблем ВЭБ: степень открытости экономики, цена безопасности, региональное измерение, безопасность против интеграции, безопасность против роста, опасность чувства правоты.

Степень открытости экономики. Экономика должна быть открытой. Это положение доказано и не дискутируется.

Но где граница между экономикой открытой и экономикой распахнутой? О чем свидетельствует динамика экспортной квоты России: 1991 год – 4%, 1997 – 20%, 2010 – 38%? Если сравнить со среднемировой экспортной квотой – 26% и квотой США – 10% и Япония - 12%, то вероятно, что Россия не открыта, а распахнута.

За безопасность надо платить. Но сколько? Может ли цена стать неподъемной? Возможно, что уже в настоящее время относительная цена

российской безопасности – самая высокая в мире. Сказываются два эффекта. Первый, пространственный – соотношение выгод и издержек большой территории. Второй, эффект издержек гетерогенности – разнообразие культур, национальностей, языков, доходов, сложности исторических судеб вызывает рост не удовлетворенности политикой центра и соответствующее увеличение издержек.

Возможны количественные оценки безопасности в первом приближении. В 2010 году собрано налогов акцизов, сборов – 3,2 трлн. рублей. В пересчете на одного работающего 46 тысяч. Военный заказ до 2020 года – 20 трлн. Выходит, что при тех же размерах экономики из 9 лет почти 7 лет придется работать на безопасность.

Есть ли у внешнеэкономической безопасности региональное измерение? С одной стороны – нет. У безопасности исключительно национальное измерение. Может быть, поэтому в Стратегии национальной безопасности в отличие от предшествующих ей Концепций, не упоминается Азиатско-Тихоокеанский регион.

С другой стороны – есть. Поскольку есть региональная экономическая политика, которая должна строиться с учетом внешних факторов безопасности. В этом плане федеральная власть не способна всё учесть и сопряженные проблемы – решить. Например, проблемы связанные с арендой помещений китайскими предпринимателями во Владивостоке и недобросовестностью российских предпринимателей в Китае. Частично эти вопросы приходится точно урегулировать комитету по безопасности предпринимательской деятельности торгово-промышленной палаты Приморского края.

Возможности региональных властей в этом аспекте ограничены степенью учета приграничной региональной специфики в экономической политике центра. Если она низкая, то известный в Приморском крае приграничный торгово-экономический комплекс не имеет перспектив, и экономически Китай будет продолжать уходить в Монголию и Казахстан. В

таком случае фактором региональной опасности становятся действия центральной власти.

Возможности региональных властей ограничены и фоновыми, то есть внешними по отношению к ним, эффектами. Один из таких, отражающих новых реалии, эффектов может назван эффектом Краскино.

Эффект назван в честь Краскино – приграничного села в Приморском крае. Оно – и своего рода символ приграничной России, и естественное олицетворение реальных возможностей российско-китайского приграничного сотрудничества. Что происходит с этими возможностями? С российской стороны – они сужаются.

В Краскино среди предпринимателей как потенциальных партнеров для китайской стороны насчитывается только 8 человек с высшим образованием. Проблема не в наличии высшего образования. Предпринимательские способности его не предполагают. Скорее наоборот. Проблема в качестве человеческого капитала. Число 8 – только один из маркеров ситуации. Эффект Краскино – эффект вымывания человеческого капитала в российском приграничье. Социально эффективных и эффективных людей для развития приграничного с Китаем сотрудничества – дефицит. У интеграции снизу в России – истончающаяся человеческая опора. Эффект Краскино – это эффект нарастающей асимметричности возможностей сторон в развитии российско-китайского сотрудничества. Остаётся только верить, что точка не возврата ещё не пройдена. Но вопросы веры – вне пределов научных дискуссий.

Безопасность против интеграции. Эту дискуссионную проблему можно назвать "дискриминационно-интеграционной опасностью". Логическая цепочка такова. Включенность в АТР - это региональная интеграция. Региональная интеграция - это всегда экономическая дискриминация. Дискриминация - это неизбежные негативные последствия. Для кого? Для тех участников интеграционного процесса, кто технологически отстает от

других. Вывод – для ВЭБ должны быть в начале инновации - затем интеграция.

Выше безопасность – ниже темпы роста. Возможность такой постановки вопроса объясняется тем, что уровень опасности положительно влияет на темпы экономического роста. Самая большая опасность - уклоняться от опасности. Парадокс - экономики, подверженные кризисам по темпам развития опережают стабильные экономики в среднем на 2 процента в год. Это вывод из анализа статистики по 52 странам.

Безопасность против чувства правоты. Основания для такой постановки вопроса в том, что ВЭБ, как следует из автономного и ситуационного подходов – это не только мировоззрение, но и мироощущение, это не только формальные знания, но и эмоции. Сегодня российское мироощущение и эмоции в отношении ВЭБ пронизывает всё укрепляющееся чувство правоты. На наш взгляд, оно ведет к агрессивным действиям и зуду реформаторства. Оно скрывает недостаток понимания универсальных закономерностей жизни. Оно приводит к ситуации, когда весь мир не знает, только мы уверены, кто виноват, как и что делать, особенно с образованием, здравоохранением и безопасностью. Чувство правоты – самая большая опасность для российской ВЭБ.

5. Вместо заключения

Древнерусское "опасный", - от слова "пасти" - осмотрительный, осторожный. Мы и должны стать опасными для других - то есть осмотрительными, осторожными. Что для этого нужно?

Опасности идентифицировать, приближаться к ним, страховаться и хеджироваться. Действовать не только реактивно, то есть реагировать на изменение ситуации. Действовать проактивно, то есть работать на опережение и упреждать возможное ухудшение ситуации с ВЭБ. Упреждать – интеллектуально, эмоционально и организационно.

**И.А. Толстокулаков, заведующий Центром корееведения ИИАЭ ДВО
РАН, д.и.н., проф**

ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Отталкиваясь от содержания действующей редакции «Стратегии национальной безопасности Республики Корея», получившей наименование «Корея глобальная»¹, можно прийти к выводу, что принципиальной основой текущей политики южнокорейского государства является т.н. «творческий прагматизм» - «Creative Pragmatism», обоснование которому дано в специальном разделе документа «Принципы творческого прагматизма», выделенного во второй главе «Стратегии», названной «Внешняя политика и понимание национальной безопасности администрацией Ли Мёнбака»².

В данной аудитории мы уже неоднократно использовали определение «прагматичный» для характеристики различных черт южнокорейского общества и государства, начиная с традиционного менталитета и общественного сознания корейцев и заканчивая их подходами к текущим проблемам российско-корейских отношений. Отметим лишь тот факт, что с приходом к власти консервативной администрации президента Ли Мёнбака тяготение или, при желании, зависимость государственной политики Сеула от прагматичных подходов и взглядов усилились ещё больше. Что и нашло отражение в стратегии национальной безопасности, принятой на вооружение Республикой Корея в 2009 г.

Для понимания текущей политики Сеула в различных сферах, в том числе в обеспечении экономической безопасности страны, нелишне будет разобраться в том, что же скрывается под понятием «творческий

¹Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009.

²Principles of Creative Pragmatism // Ibid. P. 14.

прагматизм», превратившимся в категорийную характеристику текущего политического процесса в Южной Корее.

«Стратегии национальной безопасности Республики Корея» определяет три «столпа», или три базовых принципа «творческого прагматизма»:

1 трезвая, реалистическая и последовательная оценка окружающей обстановки;

2 постановка достижимых целей и разработка обоснованных планов по их достижению;

3 обеспечение максимально возможных выгод от затраченных вложений и усилий³.

«Стратегия» называет также три условия, необходимые для реализации политики «творческого прагматизма», они заключаются в:

- поддержании и упрочении национального консенсуса;
- нацеленности на достижение практических результатов;
- развитию международного сотрудничества⁴.

Названные выше принципы и условия реализации политики «творческого прагматизма» распространяются на все направления жизнедеятельности южнокорейского государства, но особенно максимально проявляются они в экономической сфере, прежде всего по проблемам внешнеэкономических связей.

В рассмотренном нами документе не выделяется особый раздел, посвященный исключительно экономической безопасности Республики Корея, однако эта проблематика присутствует на многих его страницах, что является свидетельством серьезной озабоченности Южной Кореи обеспечением своих национальных интересов в экономике.

Прежде всего, отметим, что при определении границ своего жизненного пространства Республика Корея выходит далеко за рамки национальной территории. И дело не только (и даже не столько) в том, что по южнокорейской конституции территорией республики провозглашается весь

³Ibid.

⁴Ibid.

Корейский полуостров и прилегающие к нему острова⁵. Соблюдение национальных интересов Республики Корея напрямую увязывается с поддержанием регионального равновесия во всей Северо-Восточной Азии, о чем идет речь в преамбуле к «Стратегии национальной безопасности»⁶. Более того, в дальнейшем документ дает нам понять, что администрация Ли Мёнбака в понимании национальных интересов не ограничивается ни регионом СВА, ни рамками АТР, не случайно документ имеет второе, образное название – «Корея глобальная».

Зависимости южнокорейской экономики от общемировых трендов посвящен особый раздел «Стратегии», озаглавленный «Нарастающая нестабильность глобальной экономики». Позволим себе несколько цитат.

«В период, когда США и другие передовые экономики мира переживают период спада и нестабильности, более заметную роль начинают играть растущие экономики, например страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Такой же подъем характерен и для АСЕАН, при этом Корея, Китай и Япония совместно формируют общую региональную производственную сеть, от состояния которой напрямую зависит экономическая стабильность не только самого региона СВА, но мирового хозяйства в целом.

В ближайшие годы мы ожидаем выделения нескольких лидирующих акторов в мировом экономическом пространстве. При этом должна усилиться роль взаимного согласования экономических интересов сторон, нацеленного на достижение компромиссов. В противном случае действующие сегодня нормы и механизмы мирового хозяйства не смогут выступать в качестве регуляторов противоречий и интересов отдельно взятых сторон»⁷.

Как видно, в базовом документе, нацеленном на разработку стратегии выживания южнокорейского государства в начале XXI в., четко определена

⁵Ст. 3 Конституции Республики Корея (См.: South Korea – Constitution // ICL Constitution World [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://www.uni-wuerzburg.de/law/ks00000_.html. [Дата обращения: 12 ноября 2000 г.]).

⁶Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 7.

⁷Ibid. P. 9.

возможная угроза его экономической безопасности: *нарушение сложившегося в современном мире глобального экономического порядка*. Не случайно в рассмотренном документе выделяется лишь одна угроза экономическому благополучию Республики Корея.

Не вдаваясь в социально-экономическую историю страны, напомним уважаемой аудитории лишь о том, каких усилий и какой цены стоило южнокорейскому обществу и государству вхождение в мировую экономическую систему в том виде, в каком она существовала в последние 30 лет. В литературе часто можно встретить посыл о южнокорейском «экономическом чуде», но, как известно, чудес не бывает: «экономическое чудо на Хангане» оплачено потом, кровью и десятилетиями лишений. Такую жертву корейцы осознанно принесли на алтарь своих экономических достижений последней четверти XX в. Тенденция к изменению сложившегося миропорядка, прежде всего – экономического, воспринимается сегодня в Южной Корее как глобальная угроза национальному благополучию, основанному на четком определении позиции, возможностей и интересов национальной экономики в мировом разделении труда.

Таким образом, именно *дестабилизация* мировой экономической и финансовой системы и последующее за ней возможное *формирование нового экономического порядка* есть максимально тревожащая современную Корею угроза её экономической безопасности. Обращает на себя внимание и тот факт, что в данном случае речь идет именно о глобальном процессе, а региональные проблемы тревожат Сеул в меньшей степени, поскольку «формирующаяся общая региональная производственная сеть» с участием Кореи, Китая и Японии воспринимается Южной Кореей как один из инструментов предотвращения негативного сценария глобальных перемен. Понимая, что Сеулу противостоять им в одиночку не удастся, администрация

Ли Мёнбака нацелена на усиление «внутрирегиональной консолидации и кооперации»⁸.

В рамках такого достаточно прагматичного подхода Южная Корея оценивает и угрозу экономического давления со стороны Китая. Некоторые российские и зарубежные исследователи преувеличивают степень противоречивости экономических интересов КНР и Республики Корея, однако в Сеуле не склонны драматизировать ситуацию. Более того, опираясь на политику «творческого прагматизма», южнокорейские власти надеются найти в Китае если не союзника, то, по крайней мере, партнера, способного предотвратить крушение современного мирового экономического порядка.

Определяя будущую роль «Кореи глобальной» в мировой экономической системе, «Стратегия национальной безопасности Республики Корея» признает, что для влияния на мировой арене «жизненную необходимость сохраняют такие атрибуты сильного и значимого государства как военная и экономическая мощь»⁹. Однако прагматичный подход, не дает Сеулу возможности уйти от объективной оценки возможного «державного» потенциала самой Кореи. В связи с этим в документе появляется формулировка «мягкой силы» - soft power или a soft strong power.

Ещё одна цитата: «Республика Корея должна обладать атрибутами «мягкой силы», позволяющими ей играть роль важного актора на глобальной арене. Помимо благополучной экономики и мощной оборонной сферы, способных защитить национальный суверенитет, такая сила имеет развитый образовательный и культурный потенциал, признанный и уважаемый в международном сообществе»¹⁰.

Разумеется, в Южной Корее детерминируются и прочие проблемы, связанные с обеспечением экономической безопасности. В отличие от названной выше глобальной угрозы они связаны с устойчивым развитием национального хозяйства и социально-экономической стабильностью страны,

⁸Ibid.

⁹Ibid. P. 10.

¹⁰Ibid. P. 12.

т.е. факторами, на первый взгляд, внутреннего порядка. Однако южнокорейские условия не вполне соответствуют классической постановке проблемы безопасности в экономической теории.

В нашем понимании экономическая безопасность это такое состояние производства в стране, при котором процесс устойчивого развития экономики и социально-экономическая стабильность общества обеспечивается практически независимо от наличия и действия внешних факторов. Южнокорейская экономика чрезвычайно зависит от внешних факторов и конъюнктуры мирового рынка. Современный хозяйственный комплекс, история создания которого начинается примерно в середине 1960-х гг., изначально был ориентирован на мировой рынок. Достаточно вспомнить курс Пак Чжонхи, нацеленный на приоритетное развитие экспортноориентированных отраслей. Зависимость южнокорейской экономики от внешних рынков сбыта и внешних сырьевых источников за прошедшие годы ничуть не уменьшилась и остается её характерной особенностью.

Таким образом, экономическая безопасность страны напрямую зависит не только от внутренних, но и от внешних факторов. Не будучи экономистом, не берусь определить, от чего – больше. Но в любом случае, существенная зависимость национального хозяйства Южной Кореи от внешней конъюнктуры – факт очевидный. Если нельзя уменьшить зависимость хозяйства от внешних факторов, то следует идти по пути уменьшения степени рисков. В такой ситуации задача обеспечения экономической безопасности страны решается в нескольких приоритетных направлениях:

- максимально возможная диверсификация сырьевых источников и рынков сбыта;
- формирование стратегических запасов сырья и энергоресурсов;
- проведение комплекса мероприятий по ресурсо- и энергосбережению;

- региональная экономическая интеграция с целью перераспределения рисков и создания системы корпоративной поддержки и ответственности;
- и, наконец, приложение усилий для сохранения современного глобального экономического порядка.

Если под экономической безопасностью страны понимать такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом, то Республика Корея выглядит достаточно эффективно на фоне многих других стран мира. Мы не станем обосновывать или иллюстрировать это утверждение конкретными примерами, поскольку в последние годы в России издано множество трудов по экономике и экономической политике Южной Кореи ¹¹. Остановимся только на специфических моментах, отличающих проблематику экономической безопасности страны.

Первый и самый главный из них уже назван – чрезвычайная зависимость южнокорейского экономического комплекса от внешних факторов. Но эта зависимость не ограничивается только источниками сырья и рынками сбыта. Среди проблемных моментов мы могли бы назвать тесную международную производственную кооперацию, в которой активно участвует и от которой зависит Республика Корея. В то же время выше отмечалось, что в Сеуле это оценивают позитивно, как фактор, укрепляющий региональные связи и перераспределяющий риски и ответственность между деловыми партнерами.

В случае Южной Кореи не последнюю роль среди внешних факторов, влияющих на экономическую безопасность страны, следует назвать и

¹¹См., например: *Суслина С.С.* Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х – начало 90-х гг.). М., 1997.; *Суслина С.С.* Экономика Республики Корея в свете глобализации. М., 2002.; *Тригубенко М.Е., Толорая Г.Д.* Очерки экономики Республики Корея. М., 1993.; *Кузнецова Н.В.* Участие Республики Корея в глобализации и регионализации экономики. Владивосток, 2004.; *Кузнецова Н.В., Фокин Н.И.* Потенциал экономического развития Республики Корея. Владивосток, 2003.; *Кузнецова Н.В., Фокин Н.И.* Экономическое развитие Республики Корея: Ресурсы, проблемы, перспективы. Владивосток, 2003.; *Горбунов Р.А.* Селективность в системе денежно-кредитного регулирования. Теоретические основы и опыт реализации в Республике Корея. Владивосток, 2003. и др.

влияние США, тесный союз с которыми имеет как положительные, так и отрицательные следствия.

В последние годы прослеживалось стремление Вашингтона дополнить своё военно-политическое превосходство в мире экономическими рычагами давления для достижения новых политических интересов, в том числе и в отношениях с союзниками. Достаточно напомнить о той роли, которую США сыграли и продолжают играть в либерализации внутреннего рынка Южной Кореи, обернувшейся его открытием для более конкурентных иностранных товаров. Или о жесткой привязке курса корейской национальной валюты к доллару. Или о роли Вашингтона в практическом прекращении межкорейского экономического сотрудничества в последние полтора – два года...

С начала 2000-х гг. наблюдатели в Сеуле часто обращают внимание на нарушение баланса между позитивными и негативными сторонами глобализации, при этом речь идет об издержках южнокорейской экономики, вызванных потерей контроля над частью транснациональных компаний, нередко действующих в ущерб национальным интересам¹².

Не последнюю роль для устойчивости национального хозяйства страны как единой системы играет прочность и надежность ее элементов, экономических и организационных связей между ними, способность выдерживать внутренние и внешние нагрузки. И в этом отношении южнокорейская экономика не безупречна, достаточно вспомнить о колоссальной диспропорции в размещении людских и производственных ресурсов, сконцентрированных в столичной провинции Кёнги и нескольких городских агломерациях. В одном только Сеуле с окрестностями, на 0,1% территории страны проживает почти треть её населения и сконцентрировано до четверти промышленного потенциала.

Следует обратить внимание и на сохранение в Южной Корее достаточно сильного государственного контроля над экономикой. С точки зрения

¹²См., например: *Choi Jungug. Governments and Markets in East Asia. L.; N.Y., 2006. P. 187-188.*

приверженцев рыночной модели, это фактор негативного плана, однако по убеждению южнокорейского руководства, отказ государства от традиционного регулирования хозяйства несет прямую угрозу экономической безопасности страны. И здесь мы видим очевидное цивилизационное отличие в понимании экономической роли государства на Западе и в постконфуцианском мире. Конфуцианская традиция предписывает властям довольно жесткую опеку в экономической сфере. Правительственный контроль над развитием национального хозяйства предусмотрен Основным Законом страны¹³, такие отношения власти и экономики всегда насаждались сверху и органично соответствовали менталитету корейского народа.

Разумеется, времена изменились, меняются формы государственного контроля и регулирования, но до торжества рыночного либерализма в Южной Корее далеко... На фоне постепенного отхода государства от предпринимательской деятельности отчетливо выделяется тенденция резкого усиления его финансового контроля, именно на этом направлении сфокусировалась экономическая политика южнокорейского государства с конца 1990-х гг., когда был начат отсчет истории постиндустриального общества в Республике Корея.

Государство установило и сохраняет контроль над финансовыми институтами, в его руках находятся основные рычаги финансового давления, нацеленные на содействие общей экономической стратегии. И в конечном итоге оно по-прежнему контролирует ситуацию в экономике. Все изменения, касающиеся экономической и финансовой либерализации, разрабатываются и принимаются южнокорейским государством, нацеленным на постепенную и контролируемую эволюцию. Неслучайно Республику Корея постоянно обвиняют в чрезмерной бюрократизации, огосударствлении хозяйственных функций и экономической жизни в целом.

¹³Ст. 119 Конституции Республики Корея (См.: South Korea – Constitution // ICL Constitution World [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://www.uni-wuerzburg.de/law/ks00000_.html. [Дата обращения: 12 ноября 2000 г.]).

Позволим себе увязать с сохранением государственного контроля в экономической сфере и судьбу южнокорейских ФПГ, или *чеболей*. В отечественной литературе их реформирование однозначно приписывается курсу на либерализацию экономики¹⁴. Но государство активно использовало *чеболи* вплоть до конца 1990-х гг., при том, что либеральные преобразования начались с середины 1980-х гг. Несколько десятилетий ФПГ были проводником государственной политики, но к концу XX в. они окрепли настолько, что стали самостоятельными игроками, имевшими тесную связь с транснациональными компаниями. Очевидно, что такого типа *чеболи* конкурировали с государством и нередко оппонировали ему в вопросах экономического развития. Не по этой ли причине южнокорейские ФПГ стали объектом коренной структурной перестройки, нацеленной на их разукрупнение и создание более мелких, независимых отраслевых структур, у которых меньше возможности «сопротивляться» госрегулированию?

Подводя итог, скажем, что первоочередной задачей современного южнокорейского государства является достижение такого уровня экономической безопасности, который гарантировал бы внутреннюю стабильность, активное участие в международном разделении труда на привычных и благоприятных для Кореи условиях и одновременно не допускал нарушения национального суверенитета. Кроме того, в последнее время на мировой арене все активнее проявляется пассионарный характер корейской нации, нацеленный не только на обеспечение «внутренней» экономической безопасности, но и на выдвижение страны в авангард мирового развития на правах «мягкой силы», способной влиять на основные тренды мирового развития.

¹⁴См., например: Андрианов В. Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению // ПДВ. 1999. № 5.

Мозговой И.В., аспирант Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

ЯПОНСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ». ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ.

Для обозначения "экономической безопасности", в Японии практически всегда используются два выражения, каждое из которых состоит из трех слов: *кэйдзай-андзэн-хосё* и, реже, *кэйдзайтэки-андзэн-хосё*. Первое слово, в котором и заключается единственное фонетическое различие, – *кэйдзай* (*кэйдзайтэки*) – обозначает "экономику" и в смысловом плане практически идентично русскому аналогу. При этом в первом случае это слово переводится как существительное, а во втором – как прилагательное. Вторая часть обоих словосочетаний – *андзэн* – значит "безопасность" в широком смысле: помимо экономической сферы, это слово употребляется для обозначения безопасности дорожного движения, рабочей зоны и т.п. Что касается третьего слова – *хосё*, то в нём кроется базовое отличие японского и русского варианта определения данного термина, которое определяет специфику анализа и выработки политики экономической безопасности в Японии. Оно переводится как "гарантия, обеспечение", и в данном случае выражает элементы, средства, меры, необходимые для реализации и поддержания такой безопасности.

Интересно отметить, что эти же слова присутствуют и в таких японских терминах как социальное обеспечение ("*сякайхосё*") или Японско-американский договор о безопасности ("*ничибэйампо(андзэнхосё)дзёяку*"), что позволяет говорить о достаточно распространённом совместном употреблении в японском языке не просто слово "безопасность", а "гарантия безопасности", как бы подчёркивая защиту от различного рода рисков и проблем. Таким образом,

вышеобозначенные термины можно перевести как "Обеспечение безопасности экономики" и "Обеспечение экономической безопасности". При этом, если в первом случае акцент делается на саму "экономику", то во втором – на "безопасность". Учитывая более широкую распространённость первого варианта, можно предположить, что в Японии больше подчёркивается важность экономических интересов, нежели приоритетная роль безопасности в различных её проявлениях.

Теперь рассмотрим, что именно вкладывается в вышеупомянутые японские термины "экономической безопасности". Наиболее распространённое определение, которое встречается в японских справочниках и электронных ресурсах выглядит следующим образом: "своевременное проведение подготовительных мероприятий, которые и на системном, и на материальном уровне позволяют сохранить стабильность экономической деятельности внутри страны даже в случае возникновения политического и экономического хаоса в других государствах. Под "материальным уровнем" подразумевается обеспечение запасов пищевых продуктов, нефти и т.д."

Первое, на что следует обратить внимание в данном определении, - упоминание о других государствах как факторах, способных оказать негативное влияние на экономику страны. Это можно объяснить высокой степенью сырьевой (свыше 90%), продовольственной (60%) и торговой (экспорт, филиалы японских компаний на иностранных рынках сбыта) зависимости от них. Кроме того, речь идёт не только о ближайших соседях Японии, но и других странах (например, государствах Персидского залива, являющихся для неё основными поставщиками нефти), которые, несмотря на свою удалённость, могут сильно воздействовать на её экономику.

Также следует отметить, что вышеупомянутое определение, по большому счёту, сводится к подготовке к возможным внешним инцидентам, конфликтам и чрезвычайным ситуациям, опуская при этом такие важные факторы, как внутренняя политическая и экономическая стабильность,

развитие приоритетных для страны отраслей промышленности, научные разработки, инвестиции в человеческий капитал и многие другие.

Кроме того, из этого определения следует, что основной вектор политики обеспечения экономической безопасности должен быть направлен на отражение негативного влияния извне, а вероятность сколько-нибудь значительных внутренних угроз сводится к минимуму. Все вышеперечисленные особенности позволяют утверждать, что данный термин, признавая большое воздействие внешних факторов, и, прежде всего, текущую политическую, экономическую и социальную обстановку в странах-основных партнёрах Японии, подчёркивает возможность, а может быть, даже необходимость самообеспечения хотя бы основными резервами и ресурсами.

В качестве ещё одной цели осуществления данной политики специалисты рассматривают "поддержание и улучшение государственной экономики, а также экономической деятельности народа". Хотя в данном случае государственный и частный сектор употребляются отдельно, степень значимости каждого из них не указывается, что подчёркивает их мнимое "равенство", тем самым подразумевая необходимость не отдавать приоритет в обеспечении тому или иному сектору.

Стоит подчеркнуть, что в Японии, равно как и во многих других странах, определение термина "экономическая безопасность" и направлений её реализации затрудняется противоречиями, которые изначально присутствуют в капиталистической системе. Можно выделить следующие факторы, препятствующие такому определению:

1. Цикличность (чередование экономического роста и ослабления конъюнктуры) рыночной экономики, которая уже сама по себе подразумевает нестабильность экономической системы.
2. Попытки внедрить то, что может соответствовать экономической безопасности в краткосрочной перспективе (например, политика

протекционизма), могут привести к негативному влиянию в долгосрочной (снижение качества товаров и услуг из-за ослабленной конкуренции).

3. Вынужденное ограничение потребления для экономии ресурсов может привести к усилению застоя в экономике, тем самым подрывая соответствующую безопасность страны.

4. Попытки повышения уровня самообеспечения каким-либо видов сырья, товаров и услуг могут окончиться неудачей из-за уже существующих глубоких интегрированных внешнеторговых связей с экономиками своих соседей по региону.

Что касается органов выработки политики по экономической безопасности в Японии, то в настоящее время главным из них является Отдел (обеспечения) экономической безопасности, находящийся под юрисдикцией МИД. В рамках его деятельности можно обозначить следующие виды экономической безопасности:

1. энергетическая безопасность;
2. продовольственная безопасность;
3. обеспечение безопасности по минеральным и другим (с.х., лесным, водным, морским) ресурсам.

По каждому из данных направлений работают различные фонды и исследовательские организации, ставящие своей целью сбор и анализ информации для выявления более эффективных путей и способов обеспечения необходимыми ресурсами.

Для определения текущих направлений обеспечения экономической безопасности, которые активно продвигаются в Японии, с рассмотрим следующий пример. В 2010 г КНР объявило о резком снижении квот, а в некоторых случаях – и введение эмбарго на экспорт редкоземельных металлов. Данный шаг китайского руководства был воспринят деловыми кругами Японии крайне болезненно, т.к. эти металлы активно применяются в тех отраслях, где японцы традиционно занимали сильные позиции на рынке (автомобилестроение, электроника и т.п.). В результате, спустя некоторое

время, технические специалисты, учёные и предприниматели сами предложили возможные варианты выхода из сложившейся ситуации. Данные варианты приведены ниже:

1. Диверсификация поставщиков (выход на экспортёров сырья из Северной и Южной Америки, Индии и т.п.) и снижение удельной зависимости по поставкам от каждого отдельно взятого поставщика.
2. Временное сокращение производства до нормализации ситуации.
3. Переработка промышленных отходов и утилизация бывших в употреблении товаров с целью извлечения и повторного использования данных элементов.
4. Поиск альтернативных источников редкоземельных металлов.
5. Разработка технологий, направленных на снижение использования данных металлов.

В данном случае наиболее перспективным оказался последний, пятый способ, использование которого уже принесло значительные результаты: так, в компании Синъэцу Кагаку, был разработан новый метод производства магнитов, позволивший сократить содержание в них редкоземельных материалов на 60 процентов.

Что касается энергетической и ресурсной безопасности, то выработка подходов по её обеспечению идёт по двум направлениям – спросу (потреблению) и предложению (производителям и поставщикам). К первому можно отнести ограничение самого спроса, причём не только в самой Японии, но и в остальных странах (прежде всего, - США и КНР, которые, к тому же, не подписывали Киотский протокол) посредством повышения экологичности и энергии и эффективности её использования. Второе направление включает укрепление отношений со странами-поставщиками энергоносителей (в этой связи для японских деловых кругов особое место занимает Северо-Восточная Азия), обеспечение безопасности маршрутов транспортировки сырья, увеличение инвестиций в разработку месторождений и обновление соответствующего оборудования,

стимулирование разработки и использования альтернативных источников энергии, а также системы стратегических запасов нефти, которые бы находились в ведении мирового сообщества.

Для обеспечения продовольственной безопасности наиболее перспективными средствами считаются укрепление отношений с соответствующими международными организациями типа «Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН», а также налаживание хороших отношений с основными производителями сельхоз продукции.

В заключении хочу рассмотреть ещё одну важную тему, которая хоть и не упоминается в новостях и статьях японских специалистов как элемент экономической безопасности, но по своей сути и содержанию соответствует ей, и потому имеет, пожалуй, определяющее значение для будущего Японии. Речь идёт о TPP (Trans-Pacific Strategic Economic Partnership) – Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнёрстве, в последнее время активно обсуждаемой не только в деловых, но и политических кругах этой страны.

Данная организация – усовершенствованная форма Соглашений о свободной торговле, заключаемыми между двумя и более странами, которые уже сегодня широко распространены по всему миру. Принципиальное отличие данного партнёрства от существующих форм торговых союзов состоит в том, что его участники сразу или постепенно (в течение 5 лет) устраняют все без исключения таможенные пошлины на импортируемые товары и услуги других членов. Созданное в 2006 г, данное партнёрство первоначально включало в себя лишь Сингапур, Новую Зеландию, Чили и Бруней, однако, к настоящему моменту переговоры о вступлении в данную организацию начали такие страны, как США, Австралия, Перу, Вьетнам и Малайзия.

Ожидается, что в ближайшее время к ним присоединится и Южная Корея – один из главных экономических конкурентов Японии. Что касается

последней, то премьер-министр Кан объявил лишь о выработке общего курса в отношении данного партнёрства, которые, вдобавок ко всему, было отложено на неопределённый срок в связи с мартовским землетрясением.

Для Японии участие в данном проекте открывает широкие возможности для увеличения экспорта в страны-партнёры (учитывая их состав, можно предположить, что величина роста будет значительная), а также инвестиций в сопутствующие отрасли, но, в то же время, ставит под удар внутренних сельхоз производителей из-за роста импорта из Австралии и Америки. По этому поводу в Японии ведутся активные дискуссии: Ассоциация сельского хозяйства Японии указывает на сокращение самообеспечения продовольствием до 14% (экономические потери в этом случае составят порядка 4.1 трлн йен), а Экономическая федерация Кэйданрэн, наоборот, подчёркивает слишком высокие потенциальные убытки, вызванные необходимостью по-прежнему платить пошлины, в сравнении с теми странами, кто от них освобождён. Учитывая высокий курс йены, слабую экономическую конъюнктуру, сокращающийся внутренний рынок (снижение рождаемости и старение населения), а также значительный удельный вес экспортных отраслей в структуре японской экономики, можно утверждать, что для Японии выглядит более предпочтительным присоединиться к данному соглашению, которое может стать её последним шансом для превращения в одного из ведущих мировых экономических лидеров.

ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЕ

С началом проведения политики реформ открытости в 1978 году облик Китая начал стремительно меняться. Одновременно с каждым днем все серьезнее начали вставать проблемы, связанные с экономической безопасностью КНР. Превращение страны в глобальный экономический комплекс, увеличение масштабов открытости, индустриализация, развитие товарного хозяйства повлекли за собой рост угроз экономике (как внутри страны, так и извне).

До начала Азиатского кризиса 1997 г. экономический рост и национальная безопасность не рассматривались китайским правительством как нечто единое целое. На первом этапе (с 1978 г. до 1992 г.) страна начала претерпевать значительные изменения: начался переход, во-первых, от плановой централизованной экономики к рыночной; во-вторых, от сельскохозяйственного общества к урбанизации и индустриализации; и, в-третьих, Китай заинтересовался вступлением в ВТО. В экономических кругах того времени главным считался экономический рост. С самого начала реформ проблема экономической безопасности стала рассматриваться как ключевое звено обеспечения «национальной безопасности», причем ее внутригосударственные и международные составляющие были разделены¹⁵.

На втором этапе с ноября 1992 г. (особенно после азиатского экономического кризиса в 1997 году и вступления Китая в ВТО) началось переосмысление взаимосвязи национальной безопасности и экономического роста. Экономический рост Китая в 1990-е годы и первое десятилетие XXI века характеризуется тремя особенностями. Во-первых, процесс преобразования структуры экономики не был завершен, особенно это

¹⁵ Wang Zhengyi. Conceptualizing Economic Security and Governance: China Confronts Globalization. P.524.

касается реформ государственных предприятий и банков, хотя китайское правительство прилагало много усилий в этом направлении. Во-вторых, экономика Китая все больше стала зависеть от мировой экономики, особенно в отношении внешней торговли и прямых иностранных инвестиций. В-третьих, социально-экономическая поляризация усилилась вслед за углублением внутренних реформ и процесса включения Китая в экономическую глобализацию¹⁶.

В настоящее время в Китае, как и в других странах мира, нет четкого определения термина «экономическая безопасность». По мнению некоторых ученых, это понятие означает «защиту своих законных интересов, осуществление международных экономических отношений на основе взаимной выгоды и справедливых экономических условиях, и на базе этого добиваться ликвидации бедности и ускорения развития официальными мерами»¹⁷. Другие представляют состояние экономической безопасности как «положение, когда государство, его общество и экономическое развитие свободны от внешних угроз, экономическая безопасность включает в себя экономический суверенитет, важные экономические интересы, развитие и способность обеспечить защиту от основных экономических рисков»¹⁸. А третьи, полагают, что экономическая безопасность - это «концепция, отличная от понятий национального экономического развития, национальной экономической стабильности, промышленной безопасности и региональной экономической безопасности; национальная экономическая безопасность имеет отношение к государственной стратегии экономических выгод без рисков, при которой отсутствуют серьезные угрозы основам экономической политики страны и ее экономическому суверенитету, а факторы, которые могут вызвать финансовый кризис, находятся под контролем»¹⁹.

¹⁶ Там же. P.524-525.

¹⁷ Янь Еньху. Муцянь вого гоця цзинци аньцюаньдэ тэдянь цзи дуйсэ (Особенности и ответные меры по национальной экономической безопасности Китая в настоящее время). [Электронный ресурс] : <http://www.csscipaper.com/chinaeconomics/guominjingjiguanliyanjiu/193874.html>

¹⁸ Jiang Yong. Economic Security Redressing Imbalance. P.70.

¹⁹ Е Вэйпин. Гоця цзинци аньцюань дини юй пинця чжибяо тиси цзай яньцзю (Переосмысление понятия национальной экономической безопасности и оценки системы показателей). С.93.

Такое разнообразие суждений уже является отражением сложности вопроса. Обобщив эти определения, можно сказать, что «экономическая безопасность» в китайском понимании - это экономическая конкурентоспособность государства, его способность противодействовать экспансии, угрозам, ударам извне, это экономическая политика государства, направленная на создание благоприятной внутренней и внешней обстановки²⁰.

Другими словами, в Китае выделяются две стороны «экономической безопасности»: конкурентоспособность и экономический суверенитет. *Экономическая конкурентоспособность* имеет жизненно важное значение не только для стимулирования национального экономического роста, но и для проникновения на международный рынок. *Экономический суверенитет*, в свою очередь, рассматривается как средство контроля страны над собственным экономическим развитием и способностью противостоять внешним вмешательствам.

С точки зрения китайских политиков и ученых, Китаю брошен ряд вызовов. Подчеркну, что именно вызовов, а не угроз. Поскольку, с точки зрения китайцев, «вызов» - это то, что может принести выгоду Китаю, укрепить его международную роль, однако только в случае принятия адекватных мер адаптации, а без них — создать эффект упущенной выгоды и что может в перспективе превратиться в угрозу²¹. Т.е. на данном этапе существующие вызовы не рассматриваются в качестве катастрофических.

Главными вызовами КНР являются внутренние проблемы. Одной из основных является **дисбаланс между развитием районов**²². Расширение этого разрыва настолько велико, что один из наиболее авторитетных китайских экономистов Ху Аньган использует формулировку «один Китай — четыре мира». К первому миру относятся богатые города (Пекин, Шанхай, Шэньжэнь), ко второму – районы со средним (по мировым критериям)

²⁰ Чжао Ин, Сюй Хэпин, Син Гожэнь. КНР: проблема экономической безопасности. Информационные материалы. с. 15-16.

²¹ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под. ред. В. Михеева. С.507.

²² Там же. С.539.

уровнем доходов (приморские провинции Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу), к третьему – районы с доходами ниже среднего уровня, а к четвертому миру относятся бедные районы (Западный и Юго-Западный Китай). Различие между т.н. «мирами» проявляется не только в разнице в средних доходах или ВВП на душу населения, но и в других экономических и социальных показателях. Даже по меркам крупной развивающейся страны этот разрыв весьма велик, в Китае он больше, чем в Индии²³.

Другим вызовом является **увеличение разрыва между городом и деревней**, который может быть описан формулой «одна страна, две системы». В данном случае речь идет не о единстве материкового Китая и Гонконга, а о различном положении города и деревни в самом Китае²⁴. Роль сельского хозяйства в национальной экономике непрерывно падает, социальное положение крестьян принижено, разрыв в доходах между горожанами и жителями деревни сопровождается увеличением различий в потреблении, в доступной им сфере обслуживания.

Еще одним вызовом является **нехватка ресурсов и проблемы экологии**²⁵. Хотя Китай обладает значительными природными ресурсами, в том числе энергоносителями, их запасы на душу населения значительно ниже среднемировых. За исключением угля, Китай испытывает серьезный недостаток практически всех видов полезных ископаемых, а примерно половина из них близка к исчерпанию, что усугубляется крайней расточительностью действующей модели экономического роста²⁶. Это ведет к увеличению давления на окружающую среду, опустыниванию, уменьшению площади лесов, загрязнению воды²⁷. Потребности Китая уже не обеспечиваются внутренними запасами и в настоящее время в большей степени пополняются за счёт импорта. Ещё в начале 80-х Китай был

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Янь Еньху. Указ.соч.

²⁷ Китай: угрозы, риски... Указ.соч. С.540.

экспортёром нефти. Сегодня по импорту нефти КНР занимает второе место в мире.

Наконец еще одной важной проблемой является **дисбаланс между экономическим ростом и ростом занятости**, который связан с тем, что хотя Китай и богат трудовыми ресурсами (полезно для поддержки роста), он также испытывает огромное давление избыточного населения. При разработке модели развития страны в 1990-е годы этот фактор не был принят во внимание, модель экономического роста с высокой занятостью была заменена на модель с низкой занятостью. В результате резко обострилась проблема безработицы²⁸.

Все это – внутренние вызовы, брошенные китайскому правительству.

Но существуют и внешние вызовы, которые усугубляют внутренние проблемы. С началом политики реформ и открытости Китай постоянно улучшал свою мировую конкурентоспособность за счет привлечения большого притока **иностранный капитал**, который способствовал освоению страной ведущих технологий, повышению управленческого опыта, подготовки местных кадров и сыграл важную роль в поддержке конкурентоспособности КНР²⁹. Однако в ходе этого процесса пренебрегли экономическим суверенитетом, и в результате за успехами в политике привлечения иностранного капитала Китай не заметил недостатков этой политики.

Так большая часть иностранного капитала идет на развитие таких отраслей как сфера услуг, а также страховой сектор и рынок облигаций³⁰. Кроме этого, особую опасность экономическому суверенитету Китая представляет неравномерное распределение иностранного капитала по регионам КНР – почти 90% сосредоточено в восточных и прибрежных районах, что еще больше усугубляет региональный разрыв³¹. Однако руководство КНР не считает необходимым перекрытие потока иностранного

²⁸ Там же.

²⁹ Янь Еньху. Указ.соч.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

капитала, но предполагает проводить политику *справедливой конкуренции* на своем рынке. Осуществить ее можно тремя путями: во-первых, с помощью *мер сбалансированного открытия*³², которые заключаются в уравнивании прав китайских и иностранных частных предприятий, что даст возможность китайскому капиталу участвовать во всех отраслях промышленности. Во-вторых, *мер селективного открытия*³³. Под этими мерами подразумевается проведение отбора иностранных компаний с точки зрения экологического загрязнения и потребления энергоресурсов. Таким образом, предприятия с чрезмерным потреблением ресурсов или же наносящие вред окружающей среде страны должны покинуть рынок Китая, а поддержка (в т.ч. налоговая) должна оказываться компаниям, активно борющимся за экологию и сокращение энергопотребления. И, в-третьих, *мер взаимного открытия*³⁴. В настоящее время, по мнению китайских авторов, в мире существуют двойные стандарты, т.е. развитые страны обязуют развивающиеся страны открывать свои рынки для потоков иностранного капитала в сферы услуг и финансов, свои же рынки развитые страны держат закрытыми для развивающихся.

Еще одним средством обеспечения экономической безопасности КНР руководство страны считает т.н. «экономическую экспансию», которая включает в себя товарную экспансию и обеспечение доступа к сырью. Одним из наиболее ярких примеров разворачивающихся боевых действий между Китаем и всем остальным миром является *африканский континент*. Главным китайским ноу-хау, применяемом в регионе, являются подходы к инвестированию. В первую очередь, для китайских инвесторов интерес представляют добывающие отрасли, отрасли энергетики. Китай идет на высокие риски. Даже при учете крайне нестабильной внутривнутриполитической ситуации в странах региона, поступления финансов из КНР не прекращаются³⁵. В странах *Латинской Америки* Китай также стремится

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Экономическая экспансия Китая в Африке. [Электронный ресурс] : <http://www.firmodel/webew.ru/human/politics/ekonomicheskaa-ekspansia-kitaa-v-afrike.htm>

увеличить число контрактов на строительство ГЭС и АЭС, железных дорог и линий метро, прокладку нефте- и газопроводов, освоение месторождений углеводородов и т.д.³⁶ Китай интенсивно продолжает увеличивать свое присутствие в *Центральной Азии*. Причем эти шаги настолько внушительны, что можно утверждать о созданной КНР энергетической инфраструктуре в Центральной Азии для снабжения китайской экономики³⁷.

Все это говорит о том, что Китай требует к себе нового подхода, признания его нового веса и места в мире. Блокирование продвижения Китая в мировую экономику и политику приведет к ответным действиям, которые нанесут ущерб всем странам. Хотя в настоящее время многими мировыми державами политика Китая рассматривается как вызов, однако реагировать на эти действия следует лишь через путь взаимодействия с КНР.

Список литературы.

1. Е Вэйпин. Гоцзя цзинцзи аньцюань динъи юй пинцзя чжибяо тиси цзай яньцзю (Переосмысление понятия национальной экономической безопасности и оценки системы показателей) // Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао. – вып. 4, №1, с. 93-98.
2. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под. ред. В. Михеева. М: Центр Карнеги, 2005. – 647 С.
3. Никандров Н. Экспансия Китая в Латинской Америке. 21.04.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.imperiya-by/economic2-7624.htm> Дата обращения: 27.04.2011.
4. Панныер Б. Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии натывается на ловушки. 25.10.2010. [Электронный ресурс] : <http://www.ladno.ru/zabgrom/15747.htm> Дата обращения: 27.04.2011.

³⁶ Никандров Н. Экспансия Китая в Латинской Америке. [Электронный ресурс] : <http://www.imperiya-by/economic2-7624.htm>

³⁷ Панныер Б. Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии натывается на ловушки. [Электронный ресурс] : <http://www.ladno.ru/zabgrom/15747.htm>

5. Цюаньцзюйхуа юй чжунго цзинцзи аньцюань (Глобализация и экономическая безопасность Китая). [Электронный ресурс] : <http://www.sina.com.cn/2008.02.02> Дата обращения: 26.04.2011.
6. Чжао Ин, Сюй Хэпин, Син Гожэнь. КНР: проблема экономической безопасности. Информационные материалы. Серия «Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии». – М, 1996. - 113 С.
7. Экономическая экспансия Китая в Африке. [Электронный ресурс] : <http://www.firmodel/webew.ru/human/politics/ekonomicheskaa-ekspansia-kitaa-v-afrike.htm> Дата обращения: 27.04.2011.
8. Янь Еньху. Муцянь вого гоцзя цзинцзи аньцюаньдэ тэдянь цзи дуйсэ (Особенности и ответные меры по национальной экономической безопасности Китая в настоящее время). - Цзяин дасюэ. Цзинцзи яньцзюсо, 2001. [Электронный ресурс] : <http://www.csscipaper.com/chinaeconomics/guominjingjiguanliyanjiu/193874.htm> 1 Дата обращения: 15.04.2011.
9. Jiang Yong. Economic Security Redressing Imbalance // China Security. – vol. 3, №2, pp. 66-85.
10. Wang Zhengyi. Conceptualizing Economic Security and Governance: China Confronts Globalization // The Pacific Review. – UK: Routledge. - vol.7, № 4, 2004. pp. 523-545.

Дискуссия

Ларин В.Л.: Уважаемые коллеги, переходим к вопросам и дискуссии.

Бакланов П.Я. директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, академик РАН: Очень интересное выступление сделал Николай Иванович, которое затрагивает теорию и выходит на уровень социально-экономического развития. Вопрос такой: стоит ли все-таки разделять экономическую и внешнеэкономическую безопасность?

Фокин Н.И.: Я думаю, что не стоит, но так уж получилось, что в целях большей аналитики мы выбрали термин «внешнеэкономическая безопасность». Реально не стоит разделять эти понятия.

Кузнецов В.С., директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, к.э.н.: Николай Иванович, спасибо за сообщение. В нем вы, в сущности, определили последующую повестку дня и поставили вопросы, которые мы будем изучать в дальнейшем. У меня вопрос следующий: вы начали выступление с противопоставления западного и восточного подходов к экономической безопасности, а закончили его тем, что у нас недооцениваются общие тенденции и закономерности. На самом деле разве продуктивно ли противопоставлять западный подход и некий российский?

Фокин Н.И.: Сам вопрос уже предполагает, что противопоставлять не стоит. И я с Вами здесь соглашусь. На чем строится американский подход – на огромнейшем вкладе американской экономической науки в проблематику экономики. Они все-таки доминируют в данной науке.

Песцов С.К., декан факультета политических наук ТИПП ДВГТУ, д.полит.н.: Николай Иванович, все-таки проведите различие между национальной безопасностью и экономической. Все о чем говорили – это все национальная безопасность. Но что такое экономическая безопасность?

Фокин Н.И.: Экономическая безопасность – это четыре слова. Два слова соответствуют американскому пониманию – конкурентоспособность и

устойчивость, два слова соответствуют российскому пониманию – угрозы и вызовы. Я могу, конечно, витиевато сказать, что экономическая безопасность – это основа национальной безопасности, но это не столько основа, сколько результат сильного переплетения этих понятий.

Холоша М.В., начальник Отдела развития транспорта ДНИИМФ, к.т.н.: Мне бросилось в глаза следующее – мы говорим об экономической безопасности, но не дали определение экономической безопасности, которые установлено законодательно. Оно есть в России. Этот термин подкреплён определенной системой его обеспечения. Об этом не говорили, хотя и рассказали о том, что происходит в Японии, Китае и Корее. А ведь это отправная точка, от которой нужно двигаться. Вторая проблема заключается в том, что в зависимости от того, где ты находишься, ты так и понимаешь экономическую безопасность. На самом деле противопоставление здесь неуместно. Нужно понимать свое положение и в соответствии с этим расставлять приоритеты и выстраивать политику.

Терский М.В., директор Тихоокеанского центра стратегических разработок, д.э.н.: Николай Иванович начинает свой доклад с категории «опасность». Опасность – это то, что существует реально и объективно, независимо от нашего сознания, желаний и прочих атрибутов. Опасность может быть на макро-, мезо- и микроуровне. Далее опасность осознается, трансформируясь в нашем восприятии либо в угрозу, либо в вызов. Одно и то же явление разные страны и разные исследователи воспринимают по-разному. Николай Иванович правильно сказал, есть четыре уровня ресурсов: природные, технологические, социальные и институциональные. Если взять природные ресурсы, которые мы используем для развития экономики, за единицу дохода, то технологические дают $\delta+2$, социальные ресурсы – $\delta+4$, и институциональные – $\delta+7$. Развитые страны не обсуждают в рамках экономической безопасности нижние ресурсы – природные и технологические, потому что там у них угроз нет и вызовов там нет. Если я получаю $\delta+7$, то мне не интересно, сколько стоит нефть. Она имеет значение

для тех, кто находится внизу. И технологические ресурсы имеют значение для ограниченной категории стран. Для нас это угроза.

Поэтому-то мы с вами и обсуждаем, что произойдет с нами, если цена на нефть упадет, а мир обсуждает риски и вызовы в социальной сфере, в образовании, в здравоохранении, мобильности трудовых ресурсов и то, что будет делать экономика, когда люди будут выходить на пенсию в 90 лет. Мир говорит: система высокотехнологичных медицинских центров, созданная в мире, тупиковая. Сегодня это угроза для них. Вот о чем нужно говорить. Сложность заключается в том, чтобы определиться с позицией: где мы находимся, что для нас угроза, а что вызов. Сегодня в мире используется всего пять процентов ресурсов Земли, поэтому нет никаких угроз. Мы еще в океане ничего не добыли, а при этом мы говорим о продовольственной безопасности. Для кого она актуальна – для слаборазвитых стран. США не говорят о продовольственной безопасности, Япония не говорит, хотя у них вообще ничего не растет.

Ларин В.Л.: Коллеги, я так понимаю, главный тезис Михаила Васильевича заключается в том, что нам необходимо в качестве исходной точки взять собственное положение. Я так понимаю?

Терский М.В.: Конечно.

Ларин В.Л.: Если исходить из задачи нашего семинара, давайте подходить к этому с практической точки зрения. Какие существуют реалии и что мы должны делать, чтобы развиваться в их рамках.

Терский М.В.: Наши реалии, которые мы воспринимаем как угрозы, никем другим так не воспринимаются. Для нас – это угрозы, а для других – это обыденное событие. Мы же не воспринимаем в качестве угрозы то, что в связи с землетрясением и цунами производство в Японии упало на 15%. Для них это угроза, а для нас это повод продать свой лес или цемент дорожке, потому что там сейчас начнется жилищное строительство. Я воспринимаю это, как возможность.

Ларин В.Л.: Я сомневаюсь в том, что для японцев это - угроза, для них – это уже реальность.

Терский М.В.: Реальность в виде угрозы, которая ведет к потерям.

Бакланов П.Я.: Коллеги, во-первых, безопасность относится, прежде всего, к проблеме развития социально-экономической системы. Иногда мы даже не используем эту категории, этот термин и часто обходимся без него, но коль мы вводим это понятие, то надо поставить его в какую-то систему и найти ему место, а также дать ему оценку. Николай Иванович в какой-то мере попытался это сделать, но задача явно не простая. Легко начать путать его с другими понятиями – национальной безопасностью – или с другими категориями, либо вообще придем к тому, что оно не нужно. Я считаю, что оно нужно и необходимо найти ему место. Мы даже проводили конференцию по этому вопросу, а потом к нам приезжал Сенчаков, и у нас с ним состоялась плодотворная беседа на эту тему.

Мне кажется, что место этому понятию надо находить применительно к функционированию и динамике развития социально-экономических систем. Как показало выступления Николая Ивановича, Игоря Анатольевича и молодых коллег, мы видим сопряжение этого понятия с такими фундаментальными экономическими категориями, как развитие, циклы, кризисы, риски. Насколько я помню, у М.В.Терского докторская диссертация была связана с инвестиционными рисками.

«Устойчивое развитие» – есть такая категория, которую иногда отказываются принимать за научный термин. В одной из своих статей я пытался разграничить устойчивое, безопасное и эффективное развитие. Мне кажется, когда мы говорим о безопасном развитии, мы должны иметь в виду то, что это есть какая-то составляющая развития в системе угроз, рисков и вызовов. Когда появляется эта система, тогда мы обязаны оценивать безопасность. Безопасное развитие можно понимать, как пределы достаточно устойчивого или эффективного развития без действия угроз, кризисов и рисков. Когда последние появляются, мы можем выйти за эти пределы и

рамки безопасности. Существуют, прежде всего, внешние, экзогенные угрозы и вызовы, но есть и эндогенные, в том числе уходящие на региональный и локальный уровень. Я вспоминаю ситуацию, когда у нас были проблемы с водой и ее запасы в водохранилищах кончались – это была внутренняя угроза.

Ларин В.Л.: Вы знаете, у меня возникла крамольная мысль. Вроде понятно, как идентифицируются и воспринимаются угрозы в «нормальных» странах. Чему или кому возникают угрозы? Видимо, тогда, когда мы собираемся что-то сделать. Мы что-то планируем, начинаем реализовывать свой план программу или курс, и возникают угрозы для их реализации. Соответственно, мы говорим, что хотим интегрироваться в АТР. Общее стремление есть, но мы не понимаем, как трактовать эту интеграцию. Есть форма, но нет содержания. Может быть, поэтому мы и не знаем, кто нам угрожает.

Бакланов П.Я.: Первые угрозы появляются от неполноты информации.

Ларин В.Л.: Или от неполноты представлений об этих угрозах. Если мы реально знаем, куда мы идем, то мы заранее предусматриваем все риски. В этом случае не может быть никаких угроз. Мы знаем вызовы, мы к ним готовимся. Если что-то возникает спонтанно, это означает, что либо мы их не предусмотрели, либо ситуация изменилась, либо мы не приготовили для себя подушку безопасности.

Авдеев Ю.А., директор Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов, к.э.н.: Виктор Лаврентьевич, я хотел бы выдвинуть вам антитезу. Я не знаю, о каком региональном аспекте вы говорите, но то, что касается Дальневосточного федерального округа и Приморского края, то ситуация как раз наоборот. Ничего здесь не делая и не предпринимая никаких экономических и социальных шагов, федеральный центр шлет сюда сигнал об угрозе со стороны соседей. Отсутствие динамичных отношений с Китаем, например, отражается на примере развития комплекса Пограничный-Суйфэньхэ. С той стороны 120 млн.

вложений, и с нашей стороны – 8 млн. вложений. Там результат, а здесь его отсутствие. Мы воспринимаем это как угрозу.

Ларин В.Л.: Нет, мы воспринимаем это как вызов, а Москва как угрозу.

Авдеев Ю.А.: Есть региональный аспект, а есть более высокий уровень.

Ларин В.Л.: У меня возникла другая идея. Может быть, вообще не говорить об экономической безопасности и угрозах. Может быть, разбить проблемы на ряд аспектов, т.к. даже в программе нашего семинара некоторые вещи в категорию экономической безопасности не попадают. Каждый понимает экономическую безопасность по-своему, слишком это абстрактное понятие.

Песцов С.К.: Я хотел бы прояснить некоторые моменты. Мне, например, не очень понятно, как мы воспринимаем самые простые слова. Английский термин «вызов» одновременно включает в себя и возможность и угрозу. Если вы среагировали вовремя на какие-либо события, то вы получаете толчок для развития. Но если вы опоздали с реакцией, то для вас вызов превратился в угрозу. Все, что происходит, содержит и возможность и опасность одновременно. Теперь по поводу экономической безопасности. Когда мы что-то начинаем классифицировать, мы должны использовать критерии, которые позволяют получить непересекающиеся категории.

У нас в программе есть экономическая безопасность, далее: энергетическая, продовольственная, финансовая, экологическая – это все экономическая безопасность. Есть некая функционирующая система, и есть внешняя среда. Если эта среда благоприятная для развития отраслей, предприятий и т.д., то это одна ситуация. Если она неблагоприятная, то это другая ситуация. Во втором случае возникает угроза для отдельных компаний, индустрий, секторов экономики. Это все чистая экономика, она пока никак не коррелируется с общим состоянием системы. Получается, что чем важнее экономика, тем в большей степени она способна оказывать влияние на внешнюю среду. Чем слабее экономика, тем меньше она сможет воздействовать на внешние условия, и тем больше она вынуждена

приспосабливаться. Стратегий здесь не очень много. Первая стратегия – это автаркия, т.е. замкнуться и развиваться самостоятельно. Тогда никаких воздействий и угроз со стороны внешней среды не будет. Другая альтернатива – это приспособление. Далее – влияние. И последнее – управление. Первая и последняя стратегии являются крайними полюсами предлагаемой модели поведения и являются нереалистичными, т.к. никто не может полностью замкнуться, так же как и оказывать абсолютное влияние на другие экономики. Когда мы говорим о социальных последствиях и прочих вещах, то уходим от понятия экономическая безопасность. Это не безопасность внутренней системы, каковой является экономика, это уже другое понятие, требующее иную классификацию всех указанных аспектов. Что касается угрозы, то здесь я полностью согласен с Михаилом Васильевичем. Внешние условия для разных стран, отраслей или предприятий, могут восприниматься по-разному – либо как угроза, либо как возможность для дальнейшего развития.

Терский М.В.: Выигрыши в мире получают те субъекты, которые способны генерировать вызовы и угрозы. Самыми крупными бенефициариями являются те, кто умеет создавать для других риски.

Песцов С.К.: Я уже сказал, что есть экономики, которые определяют внешние условия. Они создают благоприятное для себя поле возможностей. Другие должны приспособливаться к этим условиям. Это угрозы, поскольку не они определяют эти условия. Можно сказать, что США не создают никому угрозу, они лишь создают благоприятные условия для собственного развития.

Калачинский А.В., зам. первого проректора ВГУЭС, к.ф.н.: В любой научной дискуссии есть два пути: ученые могут либо усложнять и умножать сущности, переходя в тонкости, либо все-таки свести к возможному упрощению ситуации до элементарных вещей. Когда мы говорим об экономике, и если мы хотим, чтобы нас поняла власть, пресса и общественность, то нужно говорить о простых вещах. Насколько наше внедрение и открытость по отношению к близлежащим странам повлияет на

социальные, экономические и политические процессы в нашем регионе. Условно говоря, мы принимаем решение, что к 2012 г. граница будет открыта, сюда хлынет товар, бизнес, капитал из Кореи, Китая и других стран. Нам от этого будет хуже или лучше? Передовое – всегда угроза отсталому. Нынешняя экономическая ситуация нашего региона показывает, что наше производство и технологии отсталые. Мы можем их защищать, говоря об экономической угрозе извне, но будет ли это правильно? Я просил бы на этот аспект обратить внимание.

Бакланов П.Я.: Я хотел бы добавить. Я говорил, что в основе лежит экономическая система. Когда экономическая система страны или региона развивается нормально по заранее подготовленному плану или стратегии, мы можем обойтись без таких понятий как угрозы, безопасность и т.д. Но действительность всегда богаче, чем расчетные и предполагаемые варианты. Появляются новые факторы, которые представляют определенную опасность или угрозу для развития, тогда мы можем использовать эти понятия и их критерии, чтобы выявлять факторы, препятствующие нормальному развитию.

Иванов С.А., м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН: Я хотел обратить внимание на одну проблему, которая неявно появлялась в процессе дискуссии и которая связана с пониманием безопасности. Я никогда не занимался проблемами экономической безопасности, но мне кажется, важным знать, есть ли в экономической теории какие-то подходы, которые позволяют разделять воображаемую угрозу и реальную угрозу. Приведу пример. Из сегодняшнего доклада коллеги следует, что экономика Японии на 90% зависит от внешних энергоресурсов, в то же время экономика Китая – всего более чем на 5%. При этом почему-то мир боится, что Китай начнет экспансию на мировой энергетический рынок, стараясь обезопасить себя, и почему-то никогда не говорят о японской угрозе. Ведь Япония больше заинтересована в обеспечении своей энергетической безопасности и имеет больше оснований для того, чтобы пойти на агрессивные шаги. Соответственно, кто-то либо стремится выдавать желаемое за действительность, либо просто Китай

настолько пугающ, что возникает восприятие того, что забота Китая о своей энергетической безопасности может нести угрозу всему остальному миру.

В связи с этим у меня вопрос к экономистам. Есть ли какие-либо, возможно, эконометрические подходы к подсчету именно реальных, а не мнимых угроз. Это очень важно, т.к. иначе мы можем заблудиться в неправильно воспринимаемых угрозах, упоминание о которых появляется в дискурсе властей или ученых.

Белкин В.Г.: Я скажу несколько слов о внешних проявлениях того, что происходит сегодня. Понятно, что развитие политических и экономических отношений в мире говорит о том, что центр взаимодействия все больше смещается в страны АТР. Это признанный факт. Россия всегда являлась угрозой и будет являться ею, потому что она самая большая. Мир никогда не будет постоянен, передел идет каждый день, каждую неделю и каждый месяц. Россия сама понимает необходимость усиления своих позиций в АТР. Европа также желает усилить свои позиции в АТР и осознает, что без России это будет тяжело сделать. Усиливается Китай, есть интересы США и интересы доллара. Помимо названных игроков есть и транснациональные корпорации, которые часто управляют правительствами, расставляют правительства. Понятие «граница» для них неактуально. В мире существует очень много субъектов, действующих в рамках заявленной нами проблематики.

Экономическая безопасность шире того спектра вопросов, которыми занимается экономика, и в конечном счете должна рассматриваться с точки зрения политологии. Экономическая составляющая важна, но конечная информация для принятия решений по проблемам внутренней и внешней политики, должна иметь политологический характер. Чтобы не пугать практиков такими понятиями, как «угрозы», «опасность», возможно, стоит использовать немного другой понятийный аппарат, например, «современные вызовы» и «устойчивое развитие». Все друг другу создают вызовы, а задача каждого состоит в том, чтобы обеспечить устойчивое развитие в мире, в

регионе, для своей нации и т.д. По сути дела мы затронули существующий миропорядок под определенным срезом.

Мне кажется, если мы ухватимся за такой подход, а, мне кажется, это можно и нужно делать, то это будет интересно, как нам, так и остальному миру. Нам надо составить программу дальнейших действий академического и образовательного сообщества по изучению этой проблематики. Например, чтобы студенты готовили курсовые и дипломные по этому вопросу, аспиранты – кандидатские и докторские. Если мы говорим, что это крупная тематика, которая будет развиваться не один год, необходимо к ней серьезно подходить и выстраивать определенную организационную систему, которая на выходе будет давать, с одной стороны, фундаментальные исследования и, с другой, практические рекомендации.

Мишин В.Ю., заведующий Центром региональной безопасности ИИАЭ:

В очередной раз на наших круглых столах прозвучала тема взаимодействия Центра и периферии. Используя нашу традиционную формулу мероприятий: обсуждения плюс предложения, позвольте внести предложение. Если мы будем смотреть на программу наших дальнейших «круглых столов», то планоно мы двигаемся от теоретизации проблем экономической безопасности, в практическую плоскость. С благодарностью принимая предложение Виктора Васильевича об использовании площадки Законодательного собрания для проведения мероприятий, вношу предложение – рассмотреть возможность приглашения на последующие заседания представителей соответствующих комитетов или подкомитетов Государственной думы РФ.

Ларин В.Л.: Согласен.

Горчаков В.В.: Насчет предложения, которое было только что озвучено, я думаю, что приглашение депутатов Госдумы – это интересно, но сейчас для них это неактуально, потому что они на грани «выхода». Но сама идея привлечения экспертов из Москвы интересна. Есть Совет Безопасности, у

которого есть свои отделы и сектора, работающие по проблемам, указанным в этой программе. Я говорю об этом, потому что две-три недели назад при подготовке документов для АТЭСовской программы здесь был господин Кадочников из Москвы, который представляет структуру во главе с бывшим министром иностранных дел Игорем Ивановым по выработке содержательной части программы АТЭС. Он сказал, что одна из тем, которая, наверняка, будет обсуждаться в 2012 году – это продовольственная безопасность. Это означает, что кто-то в Москве этим занимается, поэтому я думаю, что у нас есть время, чтобы мы могли вступить с ними в контакт. Есть там специалисты и в области энергетической безопасности. Я говорю об этом для того, чтобы наш семинар не превратился в самоуспокоение локального назначения. Если возражений нет, то мы будем договариваться с людьми.

Сергиенко В.И.: Я хотел бы добавить два слова. Профессионально я далек от того, что здесь обсуждалось, и смотрю на эту проблему с позиций общей организации. Мне показалось интересным то, что уже не одно десятилетие с разных трибун говорится о проблемах безопасности, но с методологической точки зрения нет ясности, что это такое. Для фундаментальной науки здесь осталось еще много вопросов, в том числе необходимо разработать методологические подходы к тому, что мы понимаем под экономической безопасностью.

Мне кажется, вопросы продовольственной безопасности можно изложить яснее – есть ли на полке продукты или их нет. Если отсутствуют, то это угроза. Близость мощного соседа, который поставляет нам продукты питания, приводит к «расхолаживанию» нашего собственного сельского хозяйства. Если бы не было Китая, мы бы возможно уже давно сами начали рис сеять и кормить себя. Наряду с тем, что говорил Виктор Васильевич о том, что нужно приглашать больше людей из Москвы, нашим экономистам во Владивостоке и Хабаровске стоило бы углубленно позаниматься методологической частью. Что вкладывать в понятие экономической

безопасности? До какого уровня нужно проводить классификацию и упрощение, чтобы не уйти в другую крайность – выхолаживанию самой проблемы? Здесь должны быть методологические подходы другого сорта и другого качества.

Ларин В.Л.: В заключение я хочу высказать несколько тезисных замечаний, родившихся на основе сегодняшних выступлений и дискуссии.

Во-первых, у нас есть предмет для дальнейших обсуждений. Проблема экономической безопасности существует, как существуют вызовы и угрозы. Только понимание этого явления у кого-то научное, а у кого-то просто обывательское.

Во-вторых, экономическая безопасность в АТР – это понятие многомерное и многовекторное. Все зависит от того, откуда кто смотрит. Это всегда нужно учитывать при интеграции России в АТР и попытках адаптации к той ситуации, которая там существует. Это означает, что к Китаю надо адаптироваться одним образом, к Японии – другим, к Корее – третьим и т.д. Мне кажется, у нас это не учитывается.

В-третьих, я полностью согласен с Виктором Григорьевичем в том, что понятие «экономическая безопасность» не является сугубо экономическим. Это – социально-политическое явление, и решать проблемы обеспечения экономической безопасности надо прежде всего политическими, правовыми, а затем уже экономическими средствами. Рассчитывать на то, что бизнес сам по себе разрулит все проблемы – бессмысленно. Надо также разделять вызовы, которые мы должны принимать, и угрозы, с которыми надо бороться.

В-четвертых, у нашего региона существует одна задача – это устойчивое развитие.

Мне, в принципе, импонирует эта концепция. Кстати, в девяностые годы концепцию устойчивого развития активно развивал и пропагандировал академик Коптюг. Сегодня она немного подзабыта и «подзатерта». Ее надо поднимать. Хотя бы для того, чтобы меньше пугать людей «угрозами» и

«вызовами», ибо устойчиво развиваться хотят все. Проблема только в том, что цель у всех одна, а вот интересы – разные.

И последнее. Каков сухой остаток от нашей сегодняшней дискуссии, что мы могли бы предложить практикам? Мне пока трудно говорить об этом. В принципе, сегодня перед нами и не стояла задача выдать какой-либо практический результат. Главное было понять, в каком направлении идти дальше, что мы, как мне кажется, сегодня сделали. Когда мы будем говорить о конкретных аспектах экономической безопасности, тогда, видимо, будет видимый результат для практического применения.

Большое спасибо всем, кто принял участие в нашей дискуссии.

Для заметок

